

Александр Житинский

Типичный представитель

Часть сборника
Снюсь (сборник)

Александр Николаевич Житинский
Типичный представитель
Серия «Младший научный
сотрудник Петр Верлухин», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170933

Аннотация

«Мой род не уходит корнями в древность.

Сейчас редко у кого он уходит туда корнями. Хотя, если рассуждать логически, цепочка предков не имеет права прерываться. Наверняка мой прямой предок, и не один, существовал во времена Екатерины, присутствовал при крещении Руси и даже охотился на мамонтов. У меня в голове это не укладывается...»

Содержание

Генеалогия	4
Легенды	7
Родственники	9
Наташа	13
Начальная школа	15
Школьное средневековье	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Типичный представитель

Генеалогия

Мой род не уходит корнями в древность.

Сейчас редко у кого он уходит туда корнями. Хотя, если рассуждать логически, цепочка предков не имеет права прерываться. Наверняка мой прямой предок, и не один, существовал во времена Екатерины, присутствовал при крещении Руси и даже охотился на мамонтов. У меня в голове это не укладывается.

Трудно себе представить, что целая армия моих прямых предков боролась за существование, трудилась и растила детей, чтобы в результате появился я.

Ну, не один я, конечно. И вы тоже.

Обидно, что никаких сведений об этих людях я не имею. Кроме исторических, разумеется. Очень интересно было бы знать, как мой непосредственный предок по отцовской линии относился к декабристам, допустим. Если, конечно, он не жил где-нибудь в Испании. А что? Вполне возможный вариант.

Дело в том, что мои предки мало заботились, чтобы оставить след с автографом. То есть создать нечто такое, что до меня дойдет. Например – летопись, икону, храм, скульптуру, стихотворение на худой конец. Возможно, у них были дру-

гие задачи. Они пахали, сеяли, строили избы, воевали, производили детей и умирали. В результате я ничего про них не знаю.

Лишь какие-то цари, короли и герцоги имеют возможность проследить свою генеалогию достаточно далеко. Правил один, потом царствовал другой, затем свергли третьего. Мне кажется – это несправедливо. У нас теперь демократия, и каждый должен знать своих предков.

Человечество почему-то не додумалось до одной простой вещи. Давным-давно было пора создать генеалогический архив. После смерти каждого человека туда следует вкладывать маленькую карточку. На ней надо писать имя человека, даты жизни, имена его детей и – что человек сделал. Не то, что он хотел сделать или обещал, а только – что сделал. Каким он был – добрым, злым, покладистым, милым, душевным, нетерпимым, даже порядочным мерзавцем – не имеет значения. Это интересно современникам. А потомков интересуют дела.

Но такого архива нет, и поэтому представление о моем роде не заходит глубже второй половины прошлого века. И то благодаря моей бабушке. Бабушка находилась в столь преклонном возрасте, что помнила живьем поэта Надсона. Она помнила времена, когда не было самолетов, радио, телевидения и ракет. Вообще ничего не было. Насколько спокойней тогда жилось людям!

С детства я расценивал бабушку как исторический памятник.

ник, находящийся под охраной. Бабушка утверждала, что нашими предками были достойные и уважаемые люди. Часть из них занималась физическим трудом, а часть – умственным. Были и такие, которые ничем не занимались. Они назывались дворянами. Так что с точки зрения наследственности картина получается путаная. Не знаю – чего во мне больше? Каких качеств? Это предстоит еще выяснить.

Бабушка говорила, что я похож на дедушку. Дедушка тоже ничего не добился в этой жизни и умер очень давно. Только он не добился ничего в то время, а я сейчас.

Бабушка всегда была такой старой, что больше не старела. На фоне бабушки мы изменялись с головокружительной быстротой. Мы все ее догоняли. Мы – это мои родители, брат и сестра. Но о них в свое время.

Легенды

Говорят, я родился в воскресенье. Почему-то мне это приятно.

Конечно, был чрезвычайно великолепный день. На редкость. Мама вынесла меня в стеганом одеяле и передала на руки папе. Папа меня взял, поцеловал маму, а потом мы сели в автомобиль и поехали домой. Это было за несколько месяцев до войны.

Существует и другая версия. Согласно ей, меня несла на руках бабушка. Тогда она была еще способна это делать. День все равно был хороший и это что-то там знаменовало.

Кстати, была зима, и я не простудился.

Вторая легенда, чуть подлиннее, связана с моим крещением. Это подпольная легенда, потому что папе нельзя было, чтобы меня крестили. Мой папа был коммунистом, к тому же военным. А бабушке было, наоборот, нужно. Мне, как вы понимаете, было тогда еще наплевать.

Так вот. Тайком от папы, который узнал обо всем этом много лет спустя, бабушка повезла меня в церковь. Батюшка меня взял, куда-то окунул, перекрестил и назвал церковным именем. Имени никто не знает, даже бабушка, потому что она забыла. Кажется, батюшка сказал что-то насчет моей будущей счастливой и знаменитой жизни. Пользуясь случаем, довожу до его сведения, что он ошибся.

Такого рода легенды постоянно излагались мамой или бабушкой на семейных торжествах. Всем очень бы хотелось, чтобы я родился в рубашке. Однако этого не произошло. Вероятно, по недоразумению.

Далее следуют легенды, свидетельствующие о моей необычайной одаренности в детстве. Интересно, куда она девалась? Вообще одаренных детей существует огромное количество, если верить их родителям. А потом из них получаются вполне заурядные взрослые. Это мягко говоря.

Читать я научился так рано, что еще не умел говорить. Читал про себя. Потом сразу заговорил стихами Чуковского. Их я рассказывал маме перед сном, пока она не засыпала. Тогда уже была война и засыпать иногда приходилось в бомбоубежище. Там на меня однажды, пользуясь темнотой, села какая-то тетка и чуть не раздавила.

Однажды случайно я глотнул уксусной эссенции и чуть не умер.

Однажды я заблудился в лесу и чуть не потерялся совсем..

Однажды я был искусан собаками и чуть...

Таких «чуть» было довольно много. Представляется невероятным, что я выжил. Все семейные легенды имеют счастливый конец. Думаю, что они сильно приукрашены. Я за них не отвечаю, потому что сам ничего не помню.

Родственники

У отца было две сестры – тетя Зика и тетя Мика. Они были бабушкиными дочерьми. Относительно тети Зики я всегда догадывался, что ее настоящее имя – Зинаида. С тетей Микой было сложнее. В детстве я думал, что ее полное имя – Микстура. На самом деле тетю Мику звали Татьяной, но об этом я узнал позже. Имя Микстура подходило к ней гораздо больше.

Как мне теперь кажется, в нашей семье сохранялись следы патриархального быта. Его хранительницей была бабушка. Она предполагала, что мы приходим из дворян. Отцу не нравился этот тезис. До войны он его активно опровергал. Происходить из дворян в то время было опасно.

Зато тетя Зика и тетя Мика всячески подчеркивали наше мнимое дворянство. Уходя и приходя, они говорили что-то по-французски бабушке. Маме это не нравилось, потому что она родилась в кубанской станице и жила в ней до сознательного возраста. Бабушка смеялась по-французски и рассказывала еврейские анекдоты. Между мамой и бабушкой всегда ощущалась международная напряженность.

– Ты хочешь загнать меня в гроб, – говорила бабушка маме.

– Вы, мама, сами кого угодно загоните в гроб, – отвечала мама.

Скандалы, как это ни странно, возникали редко, и поэтому окончательно загнать в гроб ни одну сторону не удавалось. Тетки Зика и Мика появлялись в нужный момент, когда назревал гол. Они действовали как голкиперы, предохраняя гроб от попадания в него бабушки или мамы. Им хотелось, чтобы они жили мирно. Кроме альтруизма, ими руководило вполне осознанное нежелание жить с бабушкой, еслине дай Бог что-нибудь случится с мамой.

Последнее словосочетание в детстве обозначало смерть. На Пушкинской улице жил дедушка Шамраев, отец бабушкиной двоюродной сестры, а потом с ним *не-дай-Бог-что-нибудь-случилось*. Дедушка Шамраев был ужасно старый и очень пугался, когда садился на воздушный шарик. Шарик в кресло подкладывали мы с двоюродными братьями, сыновьями тети Зики и тети Мики, будучи в гостях у дедушки. Посещение дедушки Шамраева и его дочери Сони считалось почему-то хорошим тоном.

Тетя Соня работала в детском издательстве. Она была старой девой. Эти слова произносились мамой с уважением. Тетя Соня посвятила свою жизнь дедушке Шамраеву и детским книжкам. Она была худой, с черными выпуклыми глазами, в облаке папиросного дыма, вечно окружавшем тетю Соню. Тетки Зика и Мика ее боялись. Тетя Соня дарила нам книжки с автографами детских писателей. В писательских надписях на книгах чувствовалось уважительное заискивание. Тетя Соня проработала в издательстве со дня его основания до

семидесяти шести лет, не уходя на пенсию. Она была очень умна, строга и добра, что я понял уже взрослым.

К сожалению, не могу сказать того же о других родственниках. Даже тогда, в детстве, я чувствовал некоторый недостаток доброты и ума в словах и поступках ближних. Меня и сейчас более всего изумляет человеческая глупость, но я привык с нею мириться.

Многочисленная родня с маминой стороны жила на Кубани. К десяти годам я научился, наконец, разбираться в маминых сестрах. Их было четверо. Все они жили в станице и имели многочисленных детей, моих двоюродных братьев и сестер, точное количество которых я не знаю и сейчас.

Родня с маминой стороны негласно считалась родней второго сорта. Возможно, это мнение создала бабушка. Может быть, и мама в глубине души стала думать так, когда отцу присвоили звание полковника.

На Кубани я был один раз в двенадцатилетнем возрасте. Тетки откармливали меня яблоками и жареными гусями. Мужья теток были украинцами. Они называли меня *ды-высь-який-гарный-кацапчик*. Все четыре слова я не понимал. Вернувшись с Кубани, я долго произносил звук «гэ» мягко, на украинский манер.

Самый старший двоюродный брат с маминой стороны не так давно стал генералом. Вот вам и родня второго сорта! Этот факт не смог проникнуть в мою голову. Он постучался, но я его туда не впустил. Я не могу себе представить бра-

та-генерала, увольте! Тем более, что я видел его один раз двадцать пять лет тому назад.

А вообще мои родственники, как и предки, образуют полный спектр социального излучения. Среди них есть колхозники, врачи, лаборанты, военные, рабочие, пьяницы, есть брат в тюрьме, есть свояк – сотрудник органов, есть кандидаты наук. И есть один генерал – начальник политуправления крупного воинского соединения.

Где-то ближе к инфракрасной области спектра – области малых энергий – нахожусь я сам.

Наташа

Мое детство прошло в эпоху домработниц.

Здесь требуется пояснение для молодежи, которая не совсем хорошо знает, что такое «домработница». Когда-то давно во многих домах жили служанки и гувернантки. Я не совсем ясно понимаю значение последнего слова. Для меня гувернантка – это служанка с высшим образованием, воспитывающая детей. Домработницы объединяли служанку и гувернантку в одном лице. И без всякого высшего образования.

Наташа приехала из деревни в восемнадцатилетнем возрасте. Мне тогда было восемь. Мы жили в трехкомнатной квартире. Наташа спала в кухне на раскладушке. В те времена социальное происхождение хозяйки и домработницы часто было одинаковым. Между моей матерью, бывшей кубанской казачкой, и Наташей, приехавшей из-под Тулы, установились своеобразные отношения. Несмотря на молодость, Наташа имела собственные взгляды на воспитание детей, то есть нас с братом и сестрой. Мама и Наташа часто вступали в дебаты, сопровождавшиеся обоюдными криками и слезами. Наташа подхватывала на руки мою малолетнюю сестру и убегала с ней из дома. Этим она выражала протест против неправильного воспитания. Мама бросалась за нею, а вечером жаловалась папе. Наташа всячески защищала нас от по-

святательств родителей.

Между прочим, моя старшая сестра, умершая в младенчестве, была бы ровно на десять лет старше меня. И я воспринимал Наташу как старшую сестру, появившуюся в доме после восемнадцатилетнего отсутствия.

По субботним вечерам Наташа с соседской домработницей гуляли в парке с солдатами. Они одевались в крепдешиновые платья с жакетками, завивали волосы щипцами и уходили твердой вздрагивающей походкой. Когда солдаты бросали их, домработницы плакали, но недолго.

Первый год Наташа купала нас с братом в ванне. Брату было пять лет. Мы устраивали морские сражения, выплескивая воду на Наташу. Уже через год я отказался от этих купаний и научился мыться самостоятельно. Во мне просыпался отроческий стыд.

Кроме стыда, просыпалось и еще что-то – какие-то тайные и жгучие желания. Когда мне исполнилось двенадцать, я стал подсматривать за Наташей. Между туалетом и ванной комнатой было высокое окошко, перегороденное наклонными деревянными планочками. Я вставал ногами на унитаз и смотрел сквозь планочки на моющуюся Наташу. Она задумчиво терла мочалкой маленькие круглые груди, похожие на шарики мороженого. Мне было стыдно, но желания были сильнее стыда.

Если вышесказанное кого-нибудь шокирует – можете не читать. Я не обижусь. Я обещал себе писать правду.

Начальная школа

В этой повести сюжета не будет – не ищите. Самый естественный, хотя и самый неправильный сюжет – это жизнь человека. В данном случае моя.

Само собой, в надлежащее время я отправился в школу. Школа была специальной. В ней со второго класса изучали французский язык. Я до сих пор помню слово «стол» по-французски. Ля табль. Я был чистеньким мальчиком из порядочной семьи. К таким раньше брали гувернеров. Уж они научили бы меня французскому! Но гувернеры, как я уже упоминал, перевелись задолго до моего рождения. Поэтому я французского не знаю.

Отца переводили служить то туда, то сюда. Я менял школы, как башмаки, из которых вырастала нога. Все это слилось в общее воспоминание, как капельки ртути сливаются в одну дрожащую каплю. В ней отражается моя стриженная под ноль голова, торчащая на предпоследней парте в окружении сорока таких же голов. Ни единой косички, потому что школы тогда были раздельными.

Прошу отметить это обстоятельство. До четырнадцати лет я знал о девочках только понаслышке. Ну, видел, конечно, на улицах или в кино. Но не более.

Мы жили в Москве, и отец брал меня на Красную площадь смотреть парады. На Мавзолее стояли люди. Один из

них был Сталин.

Сталин был самым главным в нашей стране. Он был им долгое время, и последний кусочек я застал. Он много чего сделал, в том числе и ошибок. Ему на это справедливо указали. Правда, потом, когда он уже не мог их исправить.

Сталин был нашим отцом до пятого класса. Затем он умер и перестал быть нашим отцом. Это было большое горе. Я очень старался заплакать, когда узнал, но у меня ничего не вышло. Мне стало стыдно.

На улицах повесили траурные флаги. В школе устроили почетный караул перед портретом. Я стоял рядом с добрыми толстыми усами Сталина и думал, что же будет дальше. Казалось, что дальше ничего хорошего не предвидится. Было страшно.

Школьное средневековье

Уровень жизни в то время был похуже, чем сейчас. А главное – он был более дифференцирован. Это теперь неизвестно, кто больше получает, и живет богаче – уборщица или доцент, мясник или младший научный сотрудник. Хотя в последнем примере с мясником я, пожалуй, немного переборщил, как выражается моя мама. Тут как раз все ясно.

В те годы деление на имущих и неимущих было четким.

На окраине тогдашней Москвы построили короткую улицу, потеснив деревянные домишки и бараки. Сейчас это далеко уже не окраина, а чуть ли не центр Москвы. Но тогда улица имела в длину метров двести и насчитывала около десятка серых четырехэтажных домов. Их и теперь называют «сталинскими». Там жили военные и интеллигенция – врачи, писатели, журналисты-международники, профессора и прочие.

В глубине дворов продолжали стоять бараки, которые до поры до времени не сносили.

В этом месте я окончательно почувствовал – какой я уже недостаточно молодой, скажем так. Мне слишком часто приходится разъяснять для молодежи отдельные слова. Ну, например, – «бараки».

Люди старшего поколения помнят эти бараки. Это были длинные одноэтажные здания с одним входом в каком-ни-

будь из концов. Вдоль барака тянулся тусклый узкий коридор, пропахший жареной на постном масле рыбой. Слева и справа были двери. За каждой дверью в комнатке жила семья. Три, пять, семь человек. Конец коридора скрывался в синеватом чаду.

В бараках жили рабочие, мелкие служащие, лица без определенных занятий, бывшие урки и тому подобные. От барakov веяло преступностью. Поселившаяся рядом интеллигенция боялась барakov, как огня.

Сферы деятельности людей из барakov и обитателей сталинских домов были совершенно различны. Линия соприкосновения между ними проходила в школе, где мы – дети военных, профессоров и писателей – учились вместе с детьми рабочих и лиц без определенных занятий.

Как и во взрослой жизни, мы занимали руководящие посты, а барачные дети были движущей силой. Я был звеньевым, а мой товарищ – сын журналиста-международника – председателем совета отряда. Другие звеньевые, староста и члены совета отряда тоже проводили свое детство в сталинских домах.

Мы воспитывали барачных и старались сделать из них людей. Мы вызывали их на заседания совета отряда, прорабатывали за двойки, хулиганство, курение и матерщину. После заседаний мы вместе с прорабатываемыми шли в заброшенный парк над грязной речкой Таракановкой, которую потом упрятали в подземную трубу, и с наслаждением курили и ма-

терились. В пятом классе я курил какие-то вонючие папиросы и матерился, как извозчик. Значения произносимых слов я не понимал. Значение слова «извозчик» можно посмотреть у писателей девятнадцатого века.

Я испытывал страшный стыд за свое социальное происхождение.

Для меня не было более обидных слов, чем «маменькин сынок». Когда в школе спрашивали, кто у меня отец, я всегда отвечал – военный. Никакая сила не могла заставить меня произнести его звание. Раза два отец приходил в школу в форме. Я прятался под лестницей, в закутке, где нянечка хранила тряпки и небольшие картонные ящечки мела.

Вот вам пожалуйста – нянечка!

Где они теперь, нянечки? Как их называют сейчас в школах? Уборщицы? Технические работницы? Может быть, их вообще уже нет?

А у нас были нянечки. Они знали нас по именам.

Стремясь доказать свою пролетарскую сущность, многие мальчики сталинских домов превзошли барачных. Мой одноклассник, сын писателя, загремел в колонию. Я был осторожен и хранил самодельную финку дома, за репродукцией картины Шишкина «Корабельная роща».

На школьных переменах, в просторных кафельных туалетах, устраивались стычки «до первой кровянки». Это были честные состязания. Два противника, желавшие выяснить отношения, дрались в тесном кругу, пока у одного из них не

появлялась кровь под носом. Бой прекращался. Боец с целым носом объявлялся победителем.

Стычки никогда не возникали стихийно. Они тщательно готовились. Уже за три дня становилось известно, что в пятницу на большой перемене Яша Тайц стыкается с Хамсой из параллельного пятого «В» класса. Что они там не поделили – я забыл. Мы опасались только, что наш огромный, кучерявый и самый сильный в классе Яша Тайц, сын врача-профессора, может нечаянно убить барачного Хамсу и тоже загреметь в колонию.

Хамса был ниже Яши на голову. Он вряд ли мог достать кулаком до Яшиного носа и добиться «кровянки». Хамса был белобрыс, прилизан, тощ и вертляв. Голова его по форме напоминала огурец.

Стычка была серьезная и принципиальная – до звонка на урок. Перемена длилась пятнадцать минут. Это означало, что Яша Тайц и Хамса проведут пять боксерских раундов без перерыва.

Каково же было наше изумление и огорчение, когда Хамса побил Яшу Тайца! Юркий и ловкий Хамса увертывался от квадратных Яшиных кулаков, которые тяжело утюжили воздух над его головой. Сам Хамса не переставая молотил Яшу в живот. Улучив момент, Хамса подпрыгивал и концом своего белобрысого огурца бил Яшу по крупному носу. После второго удара у Яши пошла кровь. Хамса снова и снова бил по носу Яши своей прилизанной макушкой, отчего она по-

краснела. Яша, как раненый, истекающий кровью бык, безуспешно пытался зацепить хоть раз Хамсу. Прозвенел звонок, и противники бросились к кранам – отмывать кто нос, кто макушку. Яша явился в класс бледный, поверженный, поколебавший нашу уверенность в превосходстве силы над смекалкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.